

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЛѢТОПИСИ

ЕЛИСАВЕТГРАДСКАГО ГУСАРСКАГО ПОЛКА.

Елисаветградскій, прежде конно-егерскій, нынѣ гусарскій Ея Величества королевы Виртембергской Ольги Николаевны полкъ, по случаю отбитія казеннаго ящика въ войну 1812 года, имѣеть въ лѣтописи своей пробѣлъ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ начала своего существованія.

Одаренный замѣчательною памятью, я остался, можетъ быть, одинъ изъ давнихъ ветерановъ Елисаветградскаго полка, и узнавъ недавно о помянутомъ пробѣлѣ самой занимательной эпохи, считаю обязанностію сообщить многое, что мнѣ извѣстно изъ славы этого доблестнаго полка.

Въ 1804 году записанъ я былъ на службу въ Елисаветградскій гусарскій полкъ, котораго шефомъ состоялъ отецъ мой, генераль-маіоръ баронъ Ерофей Кузьмичъ Остенъ-Сакенъ. Мнѣ былъ тогда 12-й годъ отъ реду, и потому прибавили пять лѣтъ: тогда не требовалось метрическихъ свидѣтельствъ. Я считался уже прежде на службѣ сержангомъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку, имѣя три года отъ реду, но, по вступленіи на престолъ императора Павла I, вмѣстѣ съ прочими выключенъ изъ списковъ.

Несмотря на юность мою, я былъ очень развитъ, любознателенъ и одаренъ рѣдкою памятью.

Изъ первыхъ шефовъ Елисаветградскаго, бывшаго тогда конно-егерскаго, полка, былъ полковникъ Паленбахъ, что знаю я изъ прераній. Подъ начальствомъ его, въ польскую войну 1793 года, полкъ гличился въ сраженіи подъ Дубенкою, о чемъ рассказывали участвовавшіе. Потомъ были шефами Елисаветградскаго конно-егерскаго олка: Дунинъ, Воропойскій, по переименованіи же въ гусарскій:

Сухаревъ и баронъ Остенъ-Сакенъ. Полкъ переименованъ въ гусарскій по вступленіи на престолъ императора Александра I.

Отецъ мой, генераль-маіоръ, шефъ Псковскаго драгунскаго полка, въ 1799 году выключенный изъ службы императоромъ Павломъ I и въ 1800 году милостивымъ манифестомъ вытребованный въ Санктпетербургъ, былъ назначенъ шефомъ своего имени полка — Елисаветградскаго — и обласканъ императоромъ. Когда отецъ мой благодарилъ за назначеніе, государь сказалъ ему: «Вы командовали пятиэскадроннымъ, теперь даю вамъ десятиэскадронный полкъ». Въ то время, при представленіяхъ становились на колѣно. Отецъ мой, вставая, запутался въ шашку и могъ упасть, но государь подаль ему руку и помогъ подняться.

Отецъ принялъ полкъ въ мѣстечкѣ Ямполь, Подольской губерніи, и въ ту же весну перешелъ съ полкомъ на непремѣнныя квартиры въ Елисаветградъ, гдѣ оставался до 1805 года. Отсюда полкъ выступилъ въ аустерлицкій походъ.

Эскадронными командирами при отцѣ моемъ были полковники: Иссоневичъ, впоследствии начальникъ Чугуевской уланской дивизіи; Рославлевъ, убитый подъ Аустерлицомъ, человекъ, замѣчательный по уму, благородству и блистательной храбрости; Григоровичъ, Шау-Всеволожскій, съ 1808 по 1812 годъ включительно шефъ Елисаветградскаго полка. Подполковники: Курдимановъ, Адлеръ-Бау, Шостаковъ, въ 1812 году, по смерти Всеволожскаго, назначенный шефомъ полка. Маіоры: Мау, Клабе — замѣчательнаго ума и благородства и всесторонняго образованія. Ротмистры: Томиловскій, Турчаниповъ. Должностные: полковой адъютантъ Лашкевичъ, потомъ Квитка; полковой квартирмейстеръ Смородскій; полковой казначей Сугаковъ — отличный офицеръ, всесторонне образованный и спеціалитъ въ математикѣ. Мнѣ это хорошо извѣстно потому, что онъ, на 10 и 11-лѣтнемъ возрастѣ, преподавалъ мнѣ съ большимъ усѣхомъ геометрію.

Тогда, кромѣ шефа, были полковые командиры. Въ пятиэскадронныхъ полкахъ они командовали пятью, въ десятиэскадронныхъ шестью эскадронами. Десятиэскадронные полки были раздѣлены на два баталіона: первымъ баталіономъ командовалъ командиръ пятаго эскадрона, вторымъ командиръ шестаго эскадрона.

Съ 1801 по 1804 годъ полковыми командирами были:

Полковникъ, и скоро потомъ генераль-маіоръ, Мелиссно, потомъ того Никифора Мелиссно, который былъ женатъ на родной сестрѣ царствовавшаго въ XI и XII столѣтіяхъ греческаго императора

Алексѣя Кошнена. Алексѣй Петровичъ Мелисико былъ блистательный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ: замѣчательнаго ума и образованія, говорилъ отлично на пяти языкахъ, храбръ какъ левъ, но запальчивъ, красавецъ. Онъ былъ такъ классически-правильно сложенъ, что служилъ образцемъ знаменитому ваятелю Фальбонету для монумента Петра-Великаго на сенатской площади, для чего вѣзжалъ на одномъ изъ прекрасныхъ коней своихъ на покатыя помость, нарочно для сего у пьедестала скалы устроенный. За манильскій штурмъ награжденъ Суворовымъ орденомъ св. Георгія 4-го класса; въ 1812 и 1813 годахъ прославился своими блистательными ударами съ Лубенскимъ гусарскимъ полкомъ, имъ самимъ, посредствомъ вербовки, сформированнымъ. Въ 1813 году, въ сраженіи подъ Дрезденомъ, врубившись съ лубенцами во французскій гвардейскій каре, Мелисико, къ прискорбію всей арміи, палъ, сраженный тремя пулями.

Вскорѣ послѣ Мелисико былъ при отцѣ моемъ полковымъ командиромъ генералъ-маіоръ графъ Витгенштейнъ, впоследствии князь, главнокомандующій и фельдмаршалъ. Онъ слишкомъ извѣстенъ, чтобы распространяться о немъ.

Послѣ графа Витгенштейна, около 1803 года, былъ полковымъ командиромъ генералъ-маіоръ графъ Ламбертъ, также извѣстный своими доблестями; онъ былъ возведенъ въ званіе генералъ-адъютанта и, еще въ царствованіе императора Александра I, начальствовалъ гренадерскимъ корпусомъ.

Едва ли какой-либо полкъ имѣлъ счастье видѣть въ рядахъ своихъ столько знаменитостей.

Послѣ графа Ламберта былъ полковымъ командиромъ, очень короткое время, генералъ-маіоръ князь Голицынъ.

Извѣстный Карлъ Барловичъ Мердеръ, впоследствии попечительнынѣ царствующаго Императора, человѣкъ высокаго благородства, въ 1805 году былъ выпущенъ изъ перваго кадетскаго корпуса корнетомъ въ Елисаветградскій гусарскій полкъ и назначенъ шефскимъ адъютантомъ къ отцу моему, который полюбилъ его, какъ нѣжно любимаго сына.

Во время квартированія полка въ Елисаветградѣ былъ инспекторомъ генералъ отъ кавалеріи, маркизъ Дотишанъ—эмигрантъ французскій, знавшій по-русски всего нѣсколько словъ. Забавны были смотры его. Необходимо внести ихъ въ лѣтопись, чтобы видѣть въ какомъ младенческомъ состояніи была тогда служба и понятіе о ней.

Опросъ претензій производилъ онъ такимъ образомъ: каждый

эскадронъ: «справа и слѣва заходи», и инспекторъ дѣлалъ обмывенно слѣдующіе вопросы: «довольны — вы? Всѣ получаете?» И иногда частный вопросъ: «Вы женаты?» — «Холосты, ваше превосходительство». «А много дѣти?»

Потомъ обходилъ выложенную амуницію.

Послѣ того лошадей на выводкѣ.

На другой день, у отца моего, за длиннымъ столомъ сидѣлъ инспекторъ, отецъ мой и всѣ эскадронные командиры. Вахмистры внесли отъ каждаго эскадрона по нѣскольку конскихъ головныхъ уборовъ, и маркизъ повѣрялъ своеручно циркулемъ ширину ремней, чтобы удостовѣриться определенной ли они ширины.

На слѣдующій день полковое ученье съ нелѣпыми, ни къ чему непригодными построениями, напримѣръ:

Десяти-эскадронный полкъ идетъ повзводно: справа «стройся направо и повзводно налево кругомъ заѣзжай. Марш-марш». И еще нелѣпѣе: «Десять эскадроновъ стоятъ развернутымъ фронтомъ. «Перемѣна фронта и фланговъ». «Задняя шеренга отступи», «по четыре на право». Съ мѣста марш-марш». Первый взводъ дѣлаетъ лѣвое плечо кругомъ; полкъ несется во всѣ лапаты; заносливая лошадь уносятъ; пуговицы рейтузъ свертъ чакчиръ у правыхъ фланговыхъ отдѣленій рвутся; рейтузы болтаются, и когда 10-й эскадронъ заѣдетъ: «стой во фронтъ». И полкъ стоитъ задомъ напередъ. Увѣчныхъ подбираютъ наряженные пѣшіе, относятъ къ лазаретнымъ фурамъ и отвозятъ въ лазаретъ.

Были въ ходу и практическіе походы, обыкновенно слѣдующіе: полкъ выступаетъ изъ Елисаветграда во взводной колонѣ чрезъ миргородскую заставу. «Авангардъ, арьергардъ и боковые патрули, выѣзжай!» Головной взводъ отдѣляется рысью шаговъ на сто впередъ, имѣя предъ собою унтеръ-офицера съ двумя рядовыми; послѣдній взводъ дѣлаетъ то же въ обратномъ порядкѣ. Фланговые каждаго взвода обѣихъ шеренгъ отъѣзжаютъ вправо и влево, и полкъ слѣдуетъ въ деревню Чернаковку, четыре версты отъ Елисаветграда, къ гостепріимному, очень симпатичному помѣщику, Ивану Александровичу Соколову, гдѣ приготовленъ прекрасный вкусный обѣдъ для офицеровъ въ домѣ и сытный обѣдъ для нижнихъ чиновъ на полѣ. Полкъ возвращается тѣмъ же воинственнымъ порядкомъ. Этимъ ограничивались авапостная служба и маневры.

Въ томъ же году, отецъ мой повелъ Елисаветградскій полкъ въ походъ подъ Аустерлицъ, гдѣ въ этомъ несчастномъ для насъ сраженіи, при совершенномъ пораженіи союзныхъ русско-австрійскихъ

войскъ, полкъ находился на правомъ флангѣ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Уварова.

Многіе полагаютъ невозможнымъ остановить опрокинутую конницу. Безъ вліянія начальника, приобретеннаго любовію и уваженіемъ, это дѣйствительно невозможно.

Но есть исключенія.

Отецъ мой повелъ свой полкъ въ атаку на французскихъ кирасировъ (по тогдашнему обыкновенію въ одну линію). Французскіе кирасиры раздѣлись направо и налево, открыли батарею, которая встрѣтила гусаровъ картечнымъ огнемъ, и они были опрокинуты. Отецъ мой, любимый полкомъ, скоро остановилъ его, привелъ въ порядокъ и повторилъ атаку. Французы повторили тотъ же маневръ: опять встрѣтили картечью, гусары снова опрокинуты. Отецъ мой, во второй разъ тщетно усиливавшійся остановить бѣгущихъ, преслѣдуемый французскими латниками, остановилъ лошадь и сказалъ своему адъютанту Мердеру: «Не стану больше сражаться!» Они были окружены французскими латниками до пятидесяти человекъ и стали отражать наносимые удары. Киверь отца моего былъ сбитъ и отрублена часть затылка, почти до мозга. Мердеръ получилъ три раны въ голову. Ихъ стащили съ лошадей и повлекли назадъ. Отца моего тащили за подсумокъ и какъ онъ, отъ старости и истощенія силъ, не могъ бѣжать, то его кололи палашами въ спину, нанеся четырнадцать ранъ; подсумокъ оборвался и отецъ мой упалъ ницъ.

Между тѣмъ, въ полку замѣтили отсутствіе шефа. Поручикъ Сотниковъ, необыкновенный силачъ, разгибавшій двѣ подковы, закричалъ: «Кто хочетъ со мною выручить шефа?» За нимъ послѣдовали шесть гусаровъ и камердинеръ отца моего. Мгновенно догнали они латниковъ и началась кровавая сѣча: одинъ Сотниковъ своеручно положилъ на мѣстѣ шесть человекъ. Надо замѣтить, что эпизодъ этотъ происходилъ при общемъ отступленіи войскъ въ безпорядкѣ. Двадцати-лѣтній Мердеръ пѣшкомъ добрался до полка; отца моего подняли безъ чувствъ. Сотниковъ хотѣлъ оторвать висѣвшую часть затылка, но повредилъ только ранѣ, и приложилъ висѣвшій кусокъ на свое мѣсто, вмѣстѣ съ волосами. Отца моего безъ чувствъ перевалили чрезъ лошадь спѣшеннаго камердинера и привезли въ полкъ, а оттуда отнесли на перевязочный пунктъ. Рана на головѣ нѣсколько дней подвергалась артонову огню; пораженныя мѣста вырѣзывались; чрезъ много времени рана затянулась, и отецъ мой, съ разстроеннымъ въ концѣ здоровьемъ и ослабленіемъ зрѣнія, жилъ еще три года. Этотъ подвигъ чести и самоотверженія шефа, адъю-

танта его и Сотникова со спутниками не может не внушить читателю полного сочувствія и умиленія.

Въ войну 1806 и 1807 годовъ, Елисаветградскій полкъ служилъ съ особенною честью подъ начальствомъ храбраго и стараго шефа, генераль-маіора Юрковскаго.

Елисаветградскій полкъ стоялъ въ г. Вилкомирѣ, Виленской губерніи, начиная съ 1807 по 1812 годъ, считая и походъ въ Галицію, подъ начальствомъ главнокомандующаго князя Голицына, противъ австрійцевъ, и возвратъ въ Вилкомиръ. Въ этомъ походѣ полкъ состоялъ въ кавалерійскомъ корпусѣ генераль-адъютанта барона Корфа. Не только ни одного сраженія, но и ни одной аванпостной перестрѣлки не было.

Въ 1807 году, на 14-лѣтнемъ возрастѣ, по производствѣ въ корнеты, считался и въ ремонтной командѣ полковника Шау и жилъ у родителей своихъ въ Елисаветградѣ, занимаясь дѣятельно своимъ образованіемъ. Слѣдовало отправить въ полкъ остальныхъ лошадей—29, и ремонтную команду—30 человекъ, въ декабрѣ. Доказательствомъ какъ я былъ развить, служить то, что полковникъ Шау поручилъ мнѣ, 14-лѣтнему мальчику, вести въ Вилкомиръ зиную лошадей съ командою. Когда я представлялъ ихъ шефу, генераль-маіору Юрковскому, то онъ былъ чрезвычайно доволенъ сытостію и содержаніемъ лошадей и въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ благодарилъ меня. Я похвѣстился виѣсть съ шефскимъ адъютантомъ, незабвеннымъ другомъ моимъ, тѣмъ же Мердеромъ. Но, къ сожалѣнію, мѣсяца черезъ два его перевели въ 1-й кадетскій корпусъ, и я остался совершеннымъ сиротой, съ своею любознательностію и стремленіемъ къ образованію, въ особенности военному. У меня были отличныя книги и я занимался чтеніемъ стратегіи и тактики, а также осадъ и оборонъ крѣпостей.

Въ части прежнихъ эскадронныхъ командировъ прибавились: подполковникъ Чурсовъ, маіоръ баронъ Розенъ, впоследствии начальникъ бывшей Чугуевской уланской дивизіи; ротмистры: Шабельскій, Соляниковъ, Керстичъ и Всеволожскій, братъ шефа. Еще были въ полку отличные образованные оберъ-офицеры: три Шабельскіе, Паскевичъ, братъ князя Варшавскаго, Ползниковъ, Вельяминовъ-Зерновъ, Симоновъ, Рѣдьякинъ, впоследствии рязанскій губернскій предводитель дворянства, Всеволожскій, сынъ шефа, Нагель, Тутолминъ. Всѣ примѣрнаго благородства.

Лѣтопись должна быть правдива въ высокой степени и, внося хорошія стороны эпохи, не скрывать сторонъ слабыхъ ошибокъ.

Вотъ образчикъ тогдашняго младенческаго понятія объ образованіи войска.

Чистота оружія, амуниці и одежды была поразительная. Оружіе и всѣ металлическія вещи блестяли отъ наведеннаго на нихъ полира—тогдашнее выраженіе, что, разумѣется, приносило много вреда оружію. При осмотрѣ ружей, сильно встряхивали шомполомъ, чтобы онъ, ударяясь о казенную часть, производилъ звукъ какъ можно громче. Ъзда и выѣздка лошадей были въ совершенномъ младенествѣ. Лошади носили, были совершенно непослушны, поодиночкѣ не выходили изъ фронта. Много было лошадей запаленныхъ и надорванныхъ.

Гусаровъ учили стрѣлять изъ карабиновъ залпами (!) Въ цѣль очень рѣдко, и то глиняными пулями.

Вотъ забавный образецъ военныхъ маневровъ.

На выгонѣ у Вилкомира былъ курганъ. На немъ ставили бочку водки для солдатъ и много вина и разныхъ напитковъ для офицеровъ. Полкъ, въ пѣшемъ строю, съ заряженными карабинами, бралъ курганъ приступомъ, съ безпрестанною пальбою и съ крикомъ, ура! и, достигнувъ цѣли, начиналъ попойку. Тѣмъ и оканчивался маневръ (*).

Пьянство между офицерами было развито въ сильной степени, но не одиночное, которое считалось развратомъ, а гулянье общее. Напитки мѣнялись. Нѣкоторое время пили шампанское; когда надоѣсть употребляли жженку, потомъ липецъ, ковенскій медъ—по червонцу бутылка—очень крѣпкій напитокъ, пуншъ, кавую—то мѣшанину съ сахаромъ изъ портера, рошу и шампанскаго; когда и это надоѣсть, то пили виленскую мятную водку. Каждый напитокъ употреблялся по нѣскольку мѣсяцевъ.

Попойка жженкою принимала всегда воинственный видъ: въ комнатѣ постланы ковры; посредицѣ на полу, въ какомъ нибудь сосудѣ, горитъ сахаръ въ ромѣ, что представляетъ костеръ дровъ на бивуакахъ; кругомъ сидятъ въ нѣсколько рядовъ пирующие, съ пистолетомъ въ рукѣ; затравки залѣплены сургучомъ. Когда сахаръ растаялъ, вливаютъ въ сосудъ шампанское, жженкою наполняютъ пистолеты и начинается попойка. Музыканты, трубачи и пѣсенники размѣщены въ другихъ комнатахъ или на дворѣ.

(*) Все это напоминаетъ басню Крылова, гдѣ царевича-львенка учили вить гвѣзда.

Непостижима слѣпота, постигшая начальниковъ и вѣдательныхъ лицъ, тогда какъ превосходное цѣлесообразное боевое образованіе суворовскихъ войскъ было въ сѣней памяти. И несмотря на всю эту негнѣпость, русскія войска совершали подвиги едва вѣроятные.

Но во всемъ этомъ безобразіи была и свѣтлая сторона: чинопочитаніе и дисциплина, развитыя вплоть до поразительности. Въ самое время разгула пнрующихся, когда обыкновенно происходить изъясненія въ любви и цѣлованья, начальникъ, по капризу, надуется и приметъ грозный видъ: всѣ встаютъ; пьяный начальникъ дѣлаетъ выговоръ пьяному подчиненному, иногда отправляетъ на гауптвахту; подчиненный съ кротостію агнца повинуется, не смѣя возразить ни одного слова; говоритъ: «виновать....» и отправляется на гауптвахту. Скоро послѣ того начальникъ смягчается, проситъ всѣхъ усѣсться и повторяется невинное занятіе. Въ нашемъ полку не было примѣра нарушенія чинопочитанія и обслуживания.

Между нижними чинами пьянство было весьма ограниченное, за которое строго взыскивалось.

Еще одно замѣчательное явленіе, которое ясно выражаетъ, что тогдашнее пьянство было, дѣйствительно, ребяческій разгулъ: когда мода на пьянство прошла, около двадцатыхъ годовъ, то почти всѣ тѣ, которые пили мертвую чашу, совершенно отрезвились и нѣкоторые не употребляли вовсе горячихъ напитковъ.

Я не могу не упомянуть объ одномъ шутовскомъ занятіи въ эскадронѣ ротмистра Турчанинова, расположенномъ въ мѣстечкѣ Шатовѣ, во время квартированія Елисаветградскаго полка въ Вилкомирѣ.

Ротмистръ Турчаниновъ, въ веселомъ расположеніи, любилъ совершать службы какъ бы въ видѣ священника. Вотъ его любимое занятіе: подпоручика Ицкова напоить мертвецки-пьянымъ, надѣвають на него саванъ, кладутъ въ ящикъ, ставятъ въ руки свѣчку. Турчаниновъ въ рогожной ризѣ отпѣваетъ его. Эскадронъ, съ зажженными салными свѣчами въ карабинахъ, сопровождаетъ покойника на холмъ близъ мѣстечка. Ящикъ съ Ицковымъ ставятъ на курганъ, и оканчиваютъ отпѣваніе—безсознательное святотатство—и возвращаются домой. Ицковъ, проспавшись и отрезвившись къ свѣту и продрогнувъ до костей, въ саванѣ, полнымъ бѣгомъ, чрезъ мѣстечко возвращается домой.

И, несмотря на всѣ эти недѣльности, войско, неполучившее прямого образованія для боя, кромѣ строгой, достойной войскъ Густава Адольфа, дисциплины и субординаціи, производило блистательные, едва вѣроятные подвиги, и благодушно терпѣло всѣ лишенія, скудное продовольствіе и недостаточную въ зимніе походы одежду.

Здѣсь нельзя не припомнить весьма остроумную шутку безсрочно-

отпускнаго, въ «Тарантасѣ» графа Селотуба, который, между прочимъ, рассказываетъ приблизительно слѣдующее: «При осадѣ Силистріи, въ глубокую осень, взношенные шинели наши не могли обогрѣвать тѣла. Ночью, въ ужасный холодъ, бывало ляжешь на животъ, да и накроешься спиной».

Была еще одна черная сторона: безжалостное, тиранское обращеніе съ солдатами. Не только за преступленія и проступки, но и за ошибки на ученѣ наказывали сотнями палокъ. На ученье вывозили палки, а если нѣтъ, то еще хуже: наказывали фухтеллями и шомполами по спиѣ. Много удушливыхъ и чахоточныхъ выходило въ неспособные. И все это противъ проникнутаго благочестіемъ, повиновеніемъ, преданностію, готоваго на всякое самоотверженіе русскаго солдата—идеала воина!

Жестокость доходила до невѣроятнаго звѣрства. При производствѣ въ офицеры изъ сдаточныхъ, нѣкоторые начальники скрывали полученный о томъ приказъ, придирались къ произведенному, наказывали его нѣсколькими сотнями ударовъ палками, чтобы, по ихъ словамъ, у него надолго осталось въ памяти.

Юнкера были изъяты отъ тѣлеснаго наказанія, но для нихъ придумали не менѣе тѣлесныя наказанія: ставили подъ ружье или карабины т. е. на каждое плечо клали по ружью, которыя наказываемый держалъ руками довольно близко отъ отверстія дула, и за спиной на кладывали на эти два ружья еще по нѣскольку ружей. Я чувствую всегда невыразимую грусть при воспоминаніи объ этомъ темномъ времени.

Если бы товарищи мои Елисаветградскаго полка, изъ которыхъ остался въ живыхъ, можетъ быть, я одинъ, воскресли и взглянули на войско настоящаго царствованія, то они не повѣрили бы глазамъ своимъ. Войско, одѣтое покойно, тепло, съ отиѣною ненавистныхъ бѣлыхъ ремней, учебныхъ шаговъ и ружья на лѣвомъ плечѣ, съ чрезвычайно—улучшеннымъ продовольствіемъ, упрощенными уставами, уничтоженіемъ всего ненужнаго для боя, и превосходно образованное для прямой дѣли своей; въ конницѣ—выѣзженныя лошади, которыя въ полномъ повиновеніи у всадника; отиѣна университетнаго для воина тѣлеснаго наказанія, употребляемаго только для малаго числа разряда не безукоривнаго поведенія; войско, оруженное отеческимъ попеченіемъ всѣхъ видовъ; войско, образованное въ грамотности....

Блестательныхъ подвиговъ можно ожидать отъ подобнаго войска,

въ которомъ развито чувство чести, и которое не утратило прекрасныхъ качествъ русскаго православнаго человѣка.

Въ 1812 году, Елисаветградскій полкъ состоялъ въ 1-мъ кавалерійскомъ корпусѣ генералъ-адъютанта Федора Петровича Уварова, вмѣстѣ съ полками: лейбъ-гвардіи драгунскими, уланскими, гусарскими и казачьими. Кромѣ другихъ дѣлъ, въ которыхъ полкъ участвовалъ съ честью, корпусъ Уварова, въ кровавой бородинской битвѣ, оказалъ блистательный подвигъ и незабвенную услугу. По распоряженію князя Кутузова, въ то время, когда нашъ центръ и лѣвое крыло, подъ начальствомъ незабвеннаго героя, витая безъ страха и упрека, князя Барклая-де-Толли, у батареи Раевского, геройски бившіеся съ превосходнымъ въ силахъ непріателемъ, поражаемые съ фронта картечью и съ лѣваго фланга ядрами и гранатами, а въ промежуткахъ отражавшіе многочисленныя атаки кавалеріи, изнемогали—Уваровъ, атакою на коленность лѣваго фланга непріателя, остановилъ напоръ на наши центръ и лѣвое крыло. Самъ Наполеонъ прискакалъ на угрожаемый флангъ, также и вице-король италіанскій, который, при атакѣ Уварова, въѣхалъ въ одинъ изъ французскихъ каре. Тогда только нашъ центръ и лѣвое крыло могли вздохнуть свободно. Атака Уварова имѣла, безъ сомнѣнія, большое вліяніе на ходъ битвы, чему и казаки Платова, показавшіеся въ тылу непріателя, способствовали. Елисаветградскій полкъ, при атакѣ, отбилъ два орудія, но не имѣлъ возможности увести ихъ.

Еще одна знаменитость въ Елисаветградскомъ полку изъ простаго сословія.

Въ отечественную 1812 года войну, во время отступленія французовъ, когда незабвенною заслугою партизана Сеславина, открывшаго намѣреніе Наполеона броситься на хлѣбородную калужскую губернію, и геройскимъ подвигомъ Дохтурова, съ своимъ корпусомъ отстоявшаго Мало-Ярославецъ, который восемь разъ былъ взятъ приступомъ непріателемъ и девять разъ Дохтуровымъ, Наполеонъ былъ отброшенъ на знакомую ему смоленскую дорогу, въ край, имѣ разоренный, нашъ авангардъ, подъ начальствомъ графа Жилорадовича, подошелъ къ Колоцкому монастырю.

Взятый въ плѣнъ раненымъ въ бородинской битвѣ, лейбъ-эскадрона Елисаветградскаго полка рядовой Самусъ, высокій, стройный, смѣливый и блистательно храбрый, явился къ графу, какъ начальникъ трехтысячнаго партизанскаго отряда, имѣ самими собраннаго изъ крестьянъ окрестныхъ деревень.

Бѣжавъ изъ плѣна, Самусъ нашелъ мѣстность близъ Колоцкаго мона-

стыря весьма выгодною для партизанскихъ дѣйствій, и предложилъ крестьянамъ составить отрядъ, нападать на проходящіе по операціонной линіи непріятельскіе обозы и команды, вооруживъ себя непріятельскимъ оружіемъ и патронами, которые они, во чтобы то ни стало, должны отбить у непріятеля. Сначала нападалъ онъ на малыя команды, и когда оружія и патроновъ было достаточно и отрядъ его возросъ до 3,000 ратниковъ, то онъ, сосредоточивая войска свои по звону колоколовъ, нападалъ уже на значительныя команды и одинъ разъ разбилъ на-голову цѣлый баталіонъ. Строжайшая дисциплина была имъ введена въ отрядъ и неповиновеніе не имѣло мѣста.

Самусь имѣлъ также свою гвардію, въ числѣ одной пѣхотной роты, шутовски одѣтую, которую онъ въ строю представилъ Милорадовичу: французскіе пѣхотные мундиры, панталоны съ штиблетами сверхъ лаптей, мѣдныя латы французскихъ кирасировъ, крестьянскія шапки, пѣхотныя ружья и сумы... Я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ этой пріятной и комической сцены.

Герой Самусь просилъ графа послать съ нимъ довѣренное лицо въ лѣса, пересчитать убитыя отрядомъ тѣла. Повѣрившій насчиталъ до 3,000.

Графъ Милорадовичъ произвелъ Самуся въ унтеръ-офицеры, наградилъ знакомъ отличія военнаго ордена, и, по представленію графа, Самусь скоро былъ произведенъ въ офицеры.

Здѣсь полезно замѣтить, до какаго повора и бѣдствія подвергается армія, въ которой допущенъ упадокъ подчиненности и дисциплины: оскорбленіе жителей, грабежъ, и въ особенности поруганіе и оскверненіе святыни, довели до крайнихъ размѣровъ ненависть, злобу и чувство мести въ религіозномъ народѣ, изъ котораго возникли многіе герои. Богъ напустилъ слѣпоту на гордаго, надменнаго Наполеона и онъ не могъ уже сладить съ распущеннымъ войскомъ.

Вотъ фактъ отвратительнаго поведенія французовъ, не исключая и начальниковъ.

Когда, послѣ окончательнаго взятія Мало-Ярославца, я вѣхалъ на площадь, то увидѣлъ на церковныхъ дверяхъ надпись мѣломъ: «Ecurie du général Guillemino» (конюшня генерала Гильемино). Войдя въ церковь, я ужаснулся, найдя въ ней полную мерзость запустѣнія: все передомано, перековеркано и навозъ!

Въ 1813 и 1814 годахъ, Елисаветградскій полкъ служилъ вездѣ съ особенною честію; но подробности мнѣ неизвѣстны, кромѣ незабвенной заслуги его въ 1814 году при Сенъ-Дизьѣ подъ начальствомъ генерала Винценгероде. Когда Наполеонъ съ своею гвардією

и отборными войсками, въ числѣ 40,000 человекъ, бросился съ тыла на нашу операціонную линію и императоръ Александръ Благословенный, своимъ превосходнымъ стратегическимъ соображеніемъ, воспользовался падменнымъ планомъ Наполеона и направился съ союзными арміями на Парижъ, то барону Винценгероде, съ 10,000 отрядомъ, дана была важная и отважная задача—усыпить Наполеона присутвіемъ всей нашей арміи и потомъ, по обнаруженіи обмана, удерживать напоръ его какъ можно долѣе. Винценгероде превосходно исполнилъ свое назначеніе: послалъ въ Сентъ-Дизье съ передовымъ отрядомъ квартиргероувъ, для занятія квартиръ государю, прусскому королю и фельдмаршаламъ Шварценбергу и Барклай-де-Толли, и тѣмъ выигралъ много времени. Но когда Наполеонъ былъ ошеломленъ извѣстіемъ, что императоръ Александръ, съ союзными арміями на пути въ Парижъ, уже отдѣлился отъ него на нѣсколько переходовъ, то онъ съ яростью бросился на барона Винценгероде, который, съ необыкновеннымъ спокойствіемъ и примѣрнымъ устройствомъ, отступая, удерживалъ натискъ, продавая дорогою цѣною крови каждый шагъ. Здѣсь Елисаветградскій гусарскій полкъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Шостакова, находясь въ концѣ арьергарда, оказалъ огромную услугу, съ необыкновенною стойкостью выдерживая огонь непріятельской артилеріи и отражая удары конницы.

Этимъ подвигомъ чести и самоотверженія, оканчиваю я лѣтопись Елисаветградскаго гусарскаго, нынѣ ея величества королевы Виртембергской Ольги Николаевны полка, въ рядахъ котораго имѣлъ честь служить восемь лѣтъ.

Графъ Д. Остенъ-Сакенъ.